Научная статья

УДК 340(02)
DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1).14-20

Ценности как фактор установления пределов правового регулирования

Екатерина Сергеевна Зайцева
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
zay_tseva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0688-2967

АННОТАЦИЯ
Познание сферы правового регулирования и ее пределов невозможно без анализа факторов, под воздействием которых она формируется. Среди многообразия факторов особое место занимает аксиологический фактор, предполагающий, что сфера правового регулирования ограничена ценностями, исходящими из правовых традиций общества и государства и определяющими векторы и стратегии правового развития, для поддержания которых они получают формальное закрепление. Влияние ценностей на пределы сферы и предмета правового регулирования отличается. Сфера правового регулирования формируется под воздействием социокультурных ценностей, происхождение которых объективно и коллективно. В свою очередь, социокультурные ценности определяют деятельность законодателя, закрепляющего свое видение сферы правового регулирования в качестве предмета правового регулирования, и придают им правовой характер. В то же время формальное закрепление ценностей – это результат его концептуального мышления и воли. В силу многообразия ценностей как в рамках разных социокультурных типов порядка, так и внутри каждого из них возникает необходимость установления определенной иерархии и приоритетов, которые в конечном счете эту иерархию могут определять. И то, и другое во многом зависит от субъективного восприятия и желания законодателя, который, оценивая меняющуюся историческую ситуацию, закрепляет предмет правового регулирования, тем самым определяя его пределы. Формально закрепленные и фактически господствующие в общественном сознании ценности могут различаться, что обусловлено тем, что процессы формирования (в том числе и изменения ценностей) и закрепления не всегда полностью совпадают, как не совпадают сфера, предмет правового регулирования и их пределы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
ценности, пределы правового регулирования, предмет правового регулирования, сфера правового регулирования

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ
Зайцева Е.С. Ценности как фактор установления пределов правового регулирования // Академический юридический журнал. 2022. Т. 23, № 1. С. 14–20. DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1).14-20.

Original article

Values as a factor in setting the limits of legal regulation

Ekaterina S. Zaitseva
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia
zay_tseva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0688-2967

ABSTRACT
Knowledge of the sphere of legal regulation and its limits is impossible without analyzing the factors under the influence of which it is formed. Among the variety of factors, a special place is occupied by the axiological factor, which assumes that the scope of legal regulation is limited by values emanating from the legal traditions of society and the state and determining the vectors and strategies of legal development, for the maintenance of which they receive formal consolidation. The influence of values on the limits of the sphere and the subject of legal regulation is different. The sphere of legal regulation is formed under the influence of socio-cultural values, the origin of which is objective and collective. In turn, socio-cultural values determine the activities of the legislator, who consolidates his vision of the sphere of legal regulation as a subject of legal regulation, and gives them a legal character. At the same time, the formal consolidation of values is the result of his conceptual thinking and will. Due to the diversity of values, both within the framework of different sociocultural types of order, and within each of them, it becomes necessary to establish a certain hierarchy and priorities, which

© Зайцева Е.С., 2022

ultimately can determine this hierarchy. Both largely depend on the subjective perception and desire of the legislator, who, assessing the changing historical situation, fixes the subject of legal regulation, thereby determining its limits. Formally fixed and actually prevailing in the public consciousness values may differ, which is due to the fact that the processes of formation (including changes in values) and consolidation do not always completely coincide, just as the scope and subject of legal regulation and their limits do not coincide.

KEYWORDS
values, limits of legal regulation, subject of legal regulation, sphere of legal regulation

FOR CITATION
Zaitseva E.S. Values as a factor in setting the limits of legal regulation. *Akademicheskiy yuridicheskiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2022;23(1):14–20. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2022.23(1).14-20.

Введение

Выявление объективной потребности правового регулирования общественных отношений – одна из первостепенных задач как современной юридической науки, так и правотворческой деятельности. Познание сферы правового регулирования и ее пределов невозможно без анализа факторов, под воздействием которых она формируется. Среди всего многообразия факторов объективного и субъективного характера особое место занимает аксиологический фактор, предполагающий, что сфера правового регулирования ограничена правовыми ценностями как сравнительно устойчивыми категориями, исходящими из правовых традиций общества и государства и определяющими векторы и стратегии правового развития [1, с. 24]. Законодателю приходится с этим считаться, поскольку явное несоответствие создаваемых правовых моделей и институтов основным ценностным установкам заведомо снижает их эффективность.

Ценности – это смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни, деятельности, конкретным деяниям и поступкам [2, с. 30]. В юридической науке проблема ценностей, как правило, поднимается в контексте анализа правовых ценностей, ценностей в праве или ценности права. Анализ ценностей как важнейшего фактора установления пределов правового регулирования позволяет раскрыть еще один ракурс взаимосвязи права и ценностей, до сих не попавший в поле зрения исследователей. Для этого необходимо ответить на вопрос, что является определяющим в паре ценности – право. В юридической литературе по этому поводу высказывались противоположные мнения. По мнению Ю.Ю. Ветютнева, «Право не вырабатывает внутри себя собственной уникальной системы ценностей, а выступает формой обеспечения уже существующих ценностей общества» [3, с. 27]. Существует и иная позиция, в соответствии с которой право способно создавать и транслировать собственные ценности [4, с. 25]. Изначально определяющим в паре ценности – право являются ценности, как определенный результат социокультурного развития, аккумулирующий накопленный опыт во всех сферах жизнедеятельности. Для поддержания и развития они получают формальное закрепление, приобретая статус принципов права, являющихся оформленными и внешне выраженными, признанными в том или ином обществе и государстве социокультурными ценностями. Взаимосвязь ценностей и принципов права обозначена В.Н. Кудрявцевым, отметившим, что «социальная ценность, отраженная в праве, становится принципом права» [5, с. 99], и получила свое развитие в диссертационном исследовании Л.О. Мурашко [6]. Наличие социокультурных ценностей, являющихся первичными по отношению к праву, не отрицает существование ценностей, порождаемых правом. Это отражается в признанном классическим делении принципов права как формы выражения ценностей на общесоциальные и специально-юридические, основанном на том, что в первом случае речь идет о социальных ценностях, выступающих в качестве основы правовой формы, а во втором – о закономерностях функционирования права как самостоятельной системы нормативного регулирования [6, с. 61–11]. В рамках настоящей статьи анализируются ценности первого порядка, именно они и являются фактором установления пределов правового регулирования.

Влияние ценностей на пределы сферы правового регулирования

Рассматривая ценности как фактор установления пределов правового регулирования, необходимо раскрыть смысл последнего понятия. Мы исходим из того, что пределы правового регулирования – это родовое понятие, включающее в себя два видовых: пределы сферы правового регулирования и пределы предмета правового регулирования. Пределы сферы правового регулирования – это границы, в которых долж-

но осуществляться целенаправленное организационное воздействие с помощью системы правовых средств на общественные отношения, имеющие правовую природу. Пределы предмета правового регулирования – это границы, в которых осуществляется целенаправленное организационное воздействие на общественные отношения с помощью правовых средств [7, с. 18]. Учитывая этот факт, отметим, что влияние ценностей имеет двойственный характер. С одной стороны, под их воздействием формируется сфера правового регулирования, а с другой – они во многом определяют деятельность законодателя, закрепляющего свое видение указанной сферы в качестве предмета правового регулирования и придающего сложившимся ценностям правовой характер.

Сфера правового регулирования включает общественные отношения, имеющие правовую природу. На это прямо или косвенно обращали внимание многие исследователи, отмечая, что потребность правового регулирования общественных отношений и определение его границ во многом обусловлены правовой природой некоторых из них [8, с. 113; 9, с. 4194; 10, с. 19]. Определение правовой природы указанных отношений связано с наличием свойств-критериев, среди которых следует выделять те, что являются общими для установления границы между любыми социальными регуляторами и сферами человеческого бытия, регулируемыми законами природы, к их числу мы относим волевой характер общественных отношений и возможность выбора варианта поведения. И свойства общественных отношений, имеющих непосредственно правовую природу: возможность осуществления социального контроля, направленность общественных отношений на удовлетворение типичных, социально значимых, конфликтных интересов и эквивалентный характер.

Указанные общественные отношения являются объективным фактором, определяющим пределы правового регулирования, в то же время они находятся в прямой зависимости от ряда объективных факторов, которые традиционно в юридической литературе рассматриваются как правообразующие. Преломляясь в общественных отношениях, они оказывают влияние на свойства-критерии, обусловливающие их правовую природу, и выступают уже в качестве объективных факторов формирования общественных отношений, имеющих правовую природу. В этой ситуации аксиологический фактор следует рассматривать в качестве одного из основных. Исходя из того, что социокультурные ценности, сложившееся в том или ином обществе, во многом определяют типичность, социальную значимость и конфликтность интересов, лежащих в основе общественных отношений, имеющих правовую природу и в конечном счете обусловливающих пределы сферы правового регулирования. Социально значимый интерес детерминирован ценностями, разделяемыми участниками социального взаимодействия. Воздействие ценностей на социальную значимость и конфликтность интересов хорошо заметно при вхождении в сферу правового регулирования новых общественных отношений, связанных с развитием сети Интернет, появлением новых биотехнологий и т. д. Социокультурные ценности также во многом определяют представления об эквивалентности общественных отношений. «В частности, можно наблюдать, что в разных культурах за одни и те же виды деяний считаются справедливыми наказания, совершенно различные по своему виду и суровости. Коль скоро справедливость отражает процесс обмена социальными благами, то само ее содержание во многом зависит от того, как выглядит система ценностей (благ), принятая в данном обществе» [3, с. 117].

Таким образом, складываясь исторически и представляя собой «онтологическое основание конкретного общества» [6, с. 58], они оказывают воздействие на сферу правового регулирования, программируют и направляют поведение людей, определяя дальнейшие векторы правового развития. Их формирование не связано с волей отдельного субъекта, происхождение ценностей коллективно, даже если их оценка исходит от отдельного индивида [3, с. 22]. Но эта оценка имеет существенное значение при установлении пределов предмета правового регулирования.

Влияние ценностей на установление пределов предмета правового регулирования

Предмет правового регулирования, в отличии от сферы правового регулирования, определяется законодателем, который, с одной стороны, существуя в конкретной социокультурной среде, находится под воздействием тех ценностей, которые ее определяют, с другой стороны, ценностные предпочтения, их формальное закрепление – это результат его концептуального мышления и воли. «От ценностей к поступкам – большой путь. Ценности не являются непосредственным мотивирующим фактором. Они мотивируют не действия, а мышление о ценностях» [Цит. по: 11, с. 191]. Формальное закрепление

ценностей связано с ценностными предпочтениями законодателя, а значит субъективно по своей природе, поскольку предполагает их оценку.

Аксиологический фактор действует в совокупности с иными факторами, в частности, политическими, экономическими и др. И это тоже оказывает существенное воздействие на закрепление ценностей посредством права, что очень хорошо заметно на примере опыта исторического развития нашей страны, когда «в начале 90-х годов XX века Россия существенно и в короткий срок поменяла многие базовые параметры, лежащие в аксиологической плоскости. В итоге целый ряд деяний, которые прежде оценивались негативно, коренным образом сменили вектор оценки и превратились в социально одобряемые и даже поощряемые. Такая трансформация получила отражение в декриминализации ряда уголовных преступлений, прежде всего спекуляции, которая превратилась в предпринимательство («бизнес»), валютных операций и т. д.» [12, с. 178].

Признавая и учитывая возможность субъективной интерпретации ценностей, воздействия иных внешних факторов, определяющих их отражение и закрепление в процессе установления пределов предмета правового регулирования, отметим, что объективные ограничения, обусловленные тем, что сфера правового регулирования и ее пределы формируются под воздействием социокультурных ценностей, все же существуют. И законодатель не может с ними не считаться. Это отчетливо видно при анализе такой универсальной социокультурной ценности, как достоинство. Истоки формирования достоинства как социокультурной ценности связаны с периодом античности, а современная интерпретация сложилась после Второй мировой войны, что нашло отражение в ряде международных правовых актов. Складываясь на протяжении длительного периода исторического развития, «человеческое достоинство стало вездесущей идеей в современном праве» [13, p. 331], выступающей как всеобщая универсальная ценность, и, несмотря на все многообразие и культурную дифференциацию современного мира, может рассматриваться как экзистенциальная культурная и правовая матрица современного человечества [14, с. 97]. Сложно представить, например, что современный законодатель может проигнорировать указанную ценность и закрепить возможность применения пыток, ушедших из сферы правового регулирования еще в XIX веке.

Проблема иерархии ценностей при установлении пределов правового регулирования

Ценности многообразны как в рамках разных социокультурных типов порядка, так и внутри каждого из них, в связи с чем встает вопрос об их определенной иерархии и приоритетах, которые в конечном счете эту иерархию определяют. И здесь опять многое зависит от субъективного восприятия и желания законодателя, который, оценивая меняющуюся историческую ситуацию, закрепляет предмет правового регулирования, тем самым определяя его пределы.

Существуют различные представления о системе ценностей, а также об их иерархии. Одной из наиболее распространенных точек зрения является выделение абсолютных ценностей, базовых и связанных с ними. К группе первых обычно относят свободу, справедливость, равенство всех перед законом, правопорядок и др. К базовым – жизнь, честь и достоинство, а к связанным – безопасность, свободу религии и частную собственность. Подобный подход можно наблюдать в документах ООН, международных соглашениях и конституционных актах государств [15, с. 133].

Указанную систему можно взять за основу, но при этом нужно понимать, что как отдельные элементы этой системы (ценности) и их соотношение между собой, так и их сущность (особенно абсолютных ценностей) не являются абсолютно определенными и могут существенно трансформироваться как под влиянием внешних факторов, так и в зависимости от желания и воли не только законодателя, но и иных властных субъектов, осуществляющих интерпретационную и правоприменительную деятельность. Это можно наблюдать, анализируя деятельность судебных инстанций разного уровня.

Подвижность в определении ценностных приоритетов можно очень легко увидеть на примере соотношения таких ценностей, как жизнь и безопасность. Изначально жизнь человека рассматривается как главная ценность, но в действительности в зависимости от конкретных обстоятельств этот приоритет может быть изменен, что очень наглядно проявляется в условиях чрезвычайных обстоятельств, когда общая безопасность, связанная с ценностью государственной целостности, выживания общества, спасения нации, может быть поставлена во главу угла. Хотя и здесь будет работать определенный объективный ограничитель в виде ценностной характеристики, принятой в обществе, от которой во многом зависит стандартная реакция органов

власти и управления в чрезвычайной ситуации [16, с. 114].

Возможности разной смысловой интерпретации ценностей можно увидеть, анализируя особые мнения судей Конституционного Суда Российской Федерации, когда содержательное наполнение ценностей, положенных в основу итоговых решений, и особых мнений существенно отличается. Ярким примером этого является Постановление Конституционного Суда Российской Федерации «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 ФЗ «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой», в соответствии с которым тела указанных лиц не выдают родственникам и о месте их захоронения не сообщают[1]. Конституционный Суд РФ мотивировал свое решение прежде всего исходя из интересов государства, и трактовал такую ценность как справедливость сквозь призму охраны общественной безопасности и общественного порядка. В свою очередь, судья А.Л. Кононов, также опираясь на справедливость, поставил в приоритет достоинство личности и пришел к абсолютно противоположному мнению[2]. Этот пример демонстрирует, что большое значение имеет то, что является отправной точкой в пирамиде ценностей: человек или государство.

В идеале система ценностей должна выстраиваться на паритетной основе с учетом интересов человека и государства. В реальной жизни сделать это достаточно затруднительно, поскольку и человек, и государство – это самостоятельные ценности, которые стоят на вершине этой пирамиды, и в зависимости от того, чему отдается приоритет, содержательное наполнение иных ценностей будет меняться. Изменение приоритета может быть обусловлено как временными факторами, например военными действиями, когда ценность государственной целостности может потеснить ценность жизни человека, так и постоянными, например особенностями исторического развития. В России на протяжении долгого времени в иерархии ценностей государство – личность приоритет отдавался первому и публичное доминировало над частным. Так, право в советский период уравнивало наказание за расхищение социалистического имущества и убийства, поскольку государственная (общенародная) собственность представляла бОльшую ценность по сравнению с ценностью человеческой жизни [6, с. 140]. «Такая позиция по отношению к иерархии ценностей свойственна многим цивилизациям восточного типа, и Россия, которая является евразийской по сути и аккумулировала много черт восточной цивилизации, до сих пор сохраняет в значительной степени «системоцентричность», а не «персоноцентричность». Известные подвижки в этом отношении произошли в 90-е гг. XX века, когда новый виток ориентации на западную модель правового развития немедленно нашел отражение в соотношении правовых ценностей, что было закреплено в Конституции Российской Федерации в статье 2 «человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [17, с. 215–216]. Хотя этот приоритет и ставится некоторыми исследователями под сомнение, исходя из того, что идея индивидуального блага, по существу, дезавуирована частью 3 статьи 55 Конституции, предполагающей возможности ограничения прав и свобод человека исходя из коллективных благ (конституционный строй, нравственность, оборона, безопасность и др.) [3, с. 100–101].

Сейчас же намечается тенденция обратного движения построения «сильной государственности» и «сильной власти», что на фоне усложнения международных отношений оказывает воздействие на сферу правового регулирования и ее пределы. Ярким примером проявления этой тенденции является принятие Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности»[3]. Мысль о том, что государство не менее значимая ценность, чем человек и его права, прозвучала на III Международном историко-правовом конгрессе, проходившем в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 12 мая 2021 года в приветственной речи академика Т.Я. Хабриевой.

[1] По делу о проверке конституционности статьи 141 Федерального закона «О погребении и похоронном деле» и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К.И. Гузиева и Е.Х. Кармовой : Постановление Конституционного Суда РФ от 28 июня 2007 г. № 8-П // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова // СПС «КонсультантПлюс».

[3] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия угрозам национальной безопасности : Федер. закон от 30 дек. 2020 г. № 481-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. 1). Ст. 20.

Изменение указанных приоритетов вряд ли может встретить широкий общественный резонанс, поскольку «системоцентричность», характеризующая длительный период развития российского общественного сознания, еще не изжита, а пришедшая ей на смену «персоноцентричность» не прижилась в полной мере. Это связано с тем, что «формально закрепленные и фактически господствующие в общественном сознании ценности могут различаться» [17, с. 216], и при анализе последних следует учитывать инерцию правового и политического мышления. Очень удачно для характеристики изменения ценностей использован образ «песочных часов», демонстрирующих медленный ход трансформации ценностей, которые во многом происходят только тогда, когда происходит смена поколений, воспитанных в той или иной правоидеологической матрице [17, с. 216]. Будучи историчными и коллективными по своей природе, социокультурные ценности не связаны с волей отдельных, пусть даже властных субъектов, но их оценка, а также формальное закрепление во многом определяется волей законодателя. И эти процессы формирования (в том числе и изменения ценностей) и закрепления не всегда полностью совпадают, как не совпадают сфера и предмет правового регулирования, и их пределы.

Заключение

Таким образом, социокультурные ценности являются объективным фактором, оказывающим существенное воздействие на сферу правового регулирования и ее пределы. Они определяют бытие права не в качестве набора действующих предписаний, а в качестве специфической внешней формы их существования, внутри которой происходит динамика нормативного регулирования [3, с. 6]. Под воздействие указанных ценностей попадают и субъекты правотворчества, чья деятельность связана с познанием сферы правового регулирования и закрепления ее в качестве предмета. В свою очередь, определение приоритетов в системе ценностей и их формальное закрепление в тексте нормативного правового акта зависят от воли законодателя и отражают смену ценностных ориентаций властных структур.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – Москва : Инфра-М., 2020. – 430 с.

2. Быховский Б. Аксиология / Б. Быховский // Философская энциклопедия : в 5 т. – Москва, 1960. – Т. 1. – С. 30–31.

3. Ветютнев Ю.Ю. Аксиология правовой формы / Ю.Ю. Ветютнев. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 200 с.

4. Сидорова Е.В. Миф о правовых ценностях / Е.В. Сидорова // История государства и права. – 2012. – № 11. – С. 24–26.

5. Кудрявцев В.Н. Право и поведение / В.Н. Кудрявцев. – Москва : Юрид. лит., 1978. – 191 с.

6. Мурашко Л.О. Аксиологическое измерение процесса правообразования: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Л.О. Мурашко. – Москва, 2015. – 378 с.

7. Зайцева Е.С. Понятие и виды пределов правового регулирования / Е.С. Зайцева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 3. – С. 18–23.

8. Гойман В.И. Действие права (методологический анализ) / В.И. Гойман. – Москва, 1992. – 182 с.

9. Общая теория государства и права : учебник. / под ред. В.В. Лазарева. – Москва : Юрист, 1994. – 360 с.

10. Сильченко Н.В. Границы деятельности законодателя / Н.В. Сильченко // Государство и право. – 1991. – № 8. – С. 14–23.

11. Балаянц М.С. Плюрализм форм права и правовых ценностей / М.С. Балаянц // Современный ученый. – 2017. – № 4. – С. 189–192.

12. Пашенцев Д.А. Правовые ценности в условиях цифровизации / Д.А. Пашенцев // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – Москва, 2020. – С. 177–182.

13. Barroso L.R. Here, There, Everywhere: Human Dignity in Contemporary Law and in the Transnational Discourse / L.R. Barroso // Boston College International and Comparative Law Review. – 2012. – Vol. 35, iss. 2. – P. 331–393.

14. Кравец И.А. Dignitatis Humanae: современные концепции, проблема целостности в философской и правовой экзистенции и использования в конституционализме / И.А. Кравец. – DOI 10.12737/jrl.2021.009 // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 89–110.

15. Иванов В.А. Правовые ценности в России: историко-правовой аспект / В.А. Иванов // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – Москва, 2020. – С. 129–135.

16. Жаворонкова Н.Г. Правовые проблемы повышения эффективности мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в современных условиях / Н.Г. Жаворонкова, Г.В. Выпханова. – DOI 10.12737/jrl.2021.010 // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 111–126.

17. Головина А.А. К проблеме соблюдения баланса правовых ценностей / А.А. Головина // Правовые ценности в свете новых парадигм развития современной цивилизации : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. – Москва, 2020. – С. 215–222.

REFERENCES

1. Pashentsev D.A. (ed.). *Legal Values in the Light of New Paradigms of the Development of Modern Civilization*. Moscow, Infra-M Publ., 2020. 430 p.

2. Bykhovskii B. Axiology. *Philosophical encyclopedia*. Moscow, 1960. Vol. 1, pp. 30–31. (In Russian).

3. Vetyutnev Yu.Yu. *Axiology Legal Form*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 200 p.

4. Sidorova E.V. Myth of legal values. *Istoriya gosudarstva i prava = The History of State and Law,* 2012, no. 11, pp. 24–26. (In Russian).

5. Kudryavtsev V.N. *Law and Behavior*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1978. 191 p.

6. Murashko L.O. Axiological process dimension of law formation:history and modernity. *Doct. Diss.* Moscow, 2015. 378 p.

7. Zaytseva E.S. The Concept And Types of Limits of Legal Regulation. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry,* 2020, no. 3, pp. 18–23. (In Russian).

8. Goiman V.I. *Action of law (methodological analysis)*. Moscow, 1992. 182 p.

9. Lazarev V.V. (ed.). *General Theory of Law and State*. Moscow, Yurist Publ., 1994. 360 p.

10. Silchenko N.V. Boundaries of legislators' activity. *Gosudarstvo i pravo = State and Law,* 1991, no. 8, pp. 14–23. (In Russian).

11. Balayants M.S. Pluralism of Law and Legal Values Forms. *Sovremennyi uchenyi = Modern Scientist,* 2017, no. 4, pp. 189–192. (In Russian).

12. Pashentsev D.A. Legal values in the conditions of digitalization. In Pashentsev D.A. (ed.). *Legal Values in the Light of New Paradigms of the Development of Modern Civilization*. Moscow, 2020, pp. 177–182. (In Russian).

13. Barroso L.R. Here, There, Everywhere: Human Dignity in Contemporary Law and in the Transnational Discourse. *Boston College International and Comparative Law Review*, 2012, vol. 35, iss. 2, pp. 331–393.

14. Kravets I.A. Dignitatis Humanae: Modern Theories, the Problem of Integrity for Philosophical and Legal Existence and Use by Constitutionalism. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 89–110. (In Russian). DOI: 10.12737/jrl.2021.009.

15. Ivanov A.O. Legal Values in Russia. Historical and Legal Aspect. In Pashentsev D.A. (ed.). *Legal Values in the Light of New Paradigms of the Development of Modern Civilization*. Moscow, 2020, pp. 129–135. (In Russian).

16. Zhavoronkova N.G., Vypkhanova G.V. Legal Problems of Improving the Effectiveness of Measures to Prevent and Eliminate Emergencies in Modern Conditions. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 111–126. (In Russian). DOI 10.12737/jrl.2021.010.

17. Golovina A.A. To the Problem of Maintaining the Balance of Legal Values in the Era of Digitalization. In Pashentsev D.A. (ed.). *Legal Values in the Light of New Paradigms of the Development of Modern Civilization*. Moscow, 2020, pp. 215–222. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Сергеевна Зайцева – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории государства и права. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Zaitseva – PhD in History, Associate Professor, Deputy Chief, Department of State theory and Law. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1, Pilyutov st., St. Petersburg, Russia, 198206.

Поступила в редакцию / Received 09.02.2022

Доработана после рецензирования / Revised 10.03.2022

Принята к публикации / Accepted 24.03.2022